

19-71-2-5

НОВЫЙ САТИРИКОН

1
306
1918

№ 12

ЦѢНА ОТД. № въ розн. продажѣ 90 к. и на ст. жел. дор. 1 руб.

ЮНЬ 1918

Рис. А. Гадакова.

Маленькіе мѣшечники, съ которыми власть воюетъ и большіе мѣшечники, съ которыми власть не воюетъ.

МОЯ СИМПАТІЯ И СОЧУВСТВІЕ ЛЕНИНУ.

Сочувствуетъ—Аркадій Аверченко.

Я очень добрый человекъ.

Напримѣръ: у меня нѣтъ ни злобы, ни ненависти къ Ленину, Ульянову-тожъ.

Мнѣ только очень его жалко.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я надъ нимъ, надъ его жизнью задумываюсь и чѣмъ дальше, тѣмъ больше мнѣ его жалко.

По моему, всякій человекъ имѣетъ право на личный уютъ въ жизни (я, напримѣръ люблю уютъ больше всего на свѣтѣ)—а у Ленина нѣтъ этого уюта.

И уютъ въ жизни его нѣтъ и общественное положеніе его какое-то странное. Въ самомъ дѣлѣ, ну что это за положеніе такое: „предсѣдатель совѣтской республики“. Навѣрное ему отъ этого скучно и для самолюбія нѣтъ никакого удовлетворенія.

Я еще понимаю—быть царемъ—это уже что то! Я бы самъ, признаться, не отказался отъ этой должности, и думаю, что царь изъ меня вышелъ бы не плохой.

Что такое нужно отъ царя? Здравый смыслъ и любовь къ родинѣ. Я звѣздъ съ неба не хватаю, но здравый смыслъ у меня есть и любовь къ родинѣ такая, что я, можетъ быть, часто по ночамъ плачу, да никто этого не знаетъ.

Ну, такъ вотъ—царь—должность опредѣленная—и писатель—должность опредѣленная—знай себѣ платить штрафъ за газеты, и генералъ—должность опредѣленная—знай себѣ газеты продаетъ на Невскомъ и князь—должность опредѣленная—знай себѣ старья вещи продаетъ.

А предсѣдатель Совѣтской республики—это неудобно. Въ этомъ нѣтъ уклада. Нѣтъ привычнаго.

Мнѣ очень интересно знать—какъ, вообще живетъ Ленинъ: что онъ ѣстъ, и много ли, и съ удовольствіемъ ли, что читаетъ, когда ложится спать и смѣется ли?

Я думаю, что не смѣется. И ему самому скучно жить, и тѣмъ, кто около него, то же скучно живетъ.

Я думаю, что Ленинъ очень сухой человекъ, и если даже онъ прочтетъ эти строки, то не пойметъ, что я жалѣю его по человечеству, какъ братъ брата, а, я думаю, немного растеряется, пожметъ плечами и скажетъ сухимъ безъ интонаціи голосомъ:

— Какой странный этотъ Аверченко! Читаетъ, читаетъ и совершенно не понимаетъ—какая-то его партійная платформа?

А я безо всякой платформы, ей Богу... Ну вотъ, какъ бы два человека встрѣтились въ лѣсу, и одинъ увидѣлъ, что другой спитъ на корявыхъ сучьяхъ, которые впи-ваются ему въ бока. Ну, вотъ этотъ первый и пожалѣлъ второго, по человечеству, безпартійно и совершенно внѣ-фракціонно.

Слушайте, гражданинъ Ленинъ—неужели вы мнѣ ни-

когда не позавидуете? Вы знаете, напримѣръ, какъ я провелъ вчерашній день? Разсказать? Разскажу.

Всталъ утромъ рано—утро хорошее, теплое, солнечное. Думаю: вчера работалъ и позавчера работалъ—никто меня не заставитъ сегодня работать! Поболтаюсь нынче по бѣ-лому свѣту такъ просто, безо всякой работы.

Умылся холодной водой, фыркая какъ молодая лошадка. Чай выпилъ съ бѣлой лепешкой, которую тайкомъ ужи-лилъ у петроградской коммуны. Прочелъ двѣ газеты—лѣвую и правую. Въ обѣихъ раздѣлывали совѣтскую власть на обѣ корки—прямо неприятно было читать. Вышелъ на улицу—сколько свѣта, сколько тепла, сколько солнца! Что значить—ненормированный продуктъ!

Купилъ у торговки букетикъ весеннихъ фіалокъ. Нью-халь. Разглядывалъ на дорогѣ встрѣчныхъ дѣвушекъ и дамъ. Вы знаете, господинъ Ленинъ—прехорошенькія встрѣ-чаются. Жаль, что вы никогда такъ на нихъ не смотрите, безъ платформы. И я вѣдь не о какихъ нибудь дурныхъ мысляхъ говорю, а просто пріятно посмотреѣть на свѣ-женькое личико и стройную ногу, лихо обтянутую чер-нымъ ажуромъ чулка.

Разглядывалъ также открытки въ витринахъ. Очень недурныя попадаются. Нынче стали хорошо ихъ печатать—всѣ мазки переданы въ точности. Фотографіи разглядывалъ. Заинтересовался и кинематографическимъ плакатомъ. Картина называется „Человекъ, который убилъ“. Играетъ актриса Лещинская. Красивая. Надо пойти, посмотреѣть, что это за картина такая.

Завернулъ на Морскую. У Буша выставленъ эстампъ: левъ, огромный, съ царственной гривой. Этому слово „пред-сѣдатель“ никакъ не подходитъ—именно царь. Породистый каналья. И вдругъ потянуло меня въ Зоологическій садъ—безмѣрно я люблю всяческое дикое звѣрье.

А кто мнѣ укажетъ? Набралъ побольше теплаго воздуха въ легкія и бодро зашагалъ въ зоологическій садъ—какъ птица я свободенъ въ предѣлахъ петроградской коммуны.

Обѣдалъ я въ кавказскомъ рестораничкѣ. Прихватилъ пріятеля—ѣли шашлыки, осетрину на вертелѣ и мошен-никъ кавказецъ далъ даже недурное вино. Дорого только очень, ну да ничего—этимъ фельетономъ покрою.

Кстати, господинъ Ленинъ—частный вопросъ: почему бы вамъ не разрѣшить свободной продажи вина? Вѣдь все равно, кто хочетъ, пьютъ и плохо только то, что пере-плачиваютъ громадныя деньги. Я такъ полагаю, что до-роговина вся оттого, что всѣмъ нужно много вина чтобы заработать. Возьмите вы пьющаго ремесленника. Раньше онъ зарабатывалъ пять рублей въ день и довольно, потому что полбутылки водки стоило 23 копѣйки. А теперь онъ грабитъ заказчика ста рублями, потому что бутылка спирту стоитъ 200 рублей... И хлѣбъ будетъ у ремеслен-

ника, потому что хлебный мужиченко деретъ 10 рублей за фунтъ муки по той же причинѣ—на водку сотни уходятъ.

Право, уже можно бы разрѣшить вино—такое мое компетентное мнѣніе.

Да и, вообще, я бы пошелъ къ вамъ въ Совѣтчики—только вѣдь вы меня не будете слушать. Не стоитъ мнѣ на партійной платформѣ—хоть колъ на головѣ теши.

Однако, вернемся къ нашимъ баранамъ, какъ тонко выражались наши бывшіе союзники.

Послѣ обѣда отправились мы съ пріятелемъ въ оперетку—очень мило играли да и музыка пріятная, легкая и пьянящая, какъ шампанское.

Вернулся домой пѣшкомъ—такая пріятная бѣлая ночь—слегка поужиналъ ужиленной у коммуны телятиной и сыромъ, запилъ доброй бутылкой контрабанднаго пива и легъ въ постель.

Вы думаете, удовольствія этого привольнаго дня кончились? Какъ бы не такъ!

Предстояло самое главное—лежить у меня на ночномъ столикѣ томикъ «Замогильныхъ записокъ Пиквиккского клуба»—вотъ это, доложу вамъ, удовольствіе! Нѣтъ ему равнаго въ природѣ. Въ комнатѣ тихо (нынче что-то мало стрѣляютъ), мирно горитъ покрытая голубымъ колпачкомъ лампа надъ головой. Доносится легкій запахъ свѣжей сирени. Букетъ стоитъ на туалетѣ—прислала какая-то скромная поклонница моего скромнаго таланта. Спасибо ей, спасибо Диккенсу, спасибо рабочимъ электрической станціи, дай имъ Богъ добраго здоровья за то что они освѣщаютъ мнѣ страницы Диккенса. Если когда нибудь будетъ концертъ въ пользу электрическихъ рабочихъ—обязательно выступлю въ немъ...

Какъ разъ на этой мысли книга заботливо вываливается изъ ослабленныхъ рукъ, я поворачиваюсь на другой бокъ и... желаю и вамъ, господинъ Ленинъ, искренно отъ души такой же спокойной ночи.

Ну, вотъ: развѣ плохо прожилъ я этотъ беззаботный денекъ? А вы? Какъ вы проводите ваши дни. Навѣрное, сплошная толчея и беспокойство. Всѣ эти прямые провода, доклады, совѣды, безтолочь и неурядица. Съ утра—ни газету толкомъ не прочесть, ни чаю, какъ слѣдуетъ, выпить. Съ утра навѣрное уже какой нибудь Свердловъ или Прошьянъ являються со скучными претензіями, заявленіями и разными центропроками. А тамъ звонятъ, что въ пригородѣ голодный бунтъ, а тутъ Мирбахъ черезъ Чичерина подноситъ какую нибудь обсахаренную гадость.

Ни къ звѣрямъ не успѣете пойти, ни Диккенса почитать. До Диккенса ли, когда красноармейцы требуютъ прибавки жалованья и пайка, когда рабочіе требуютъ Учредительнаго Собранія, а тутъ Скоропадскій, а тутъ корниловцы, а тутъ нѣмцы.

До открытокъ ли въ витринахъ, до женскихъ ли ножекъ въ ажурныхъ чулкахъ, когда одинъ флотъ загнанъ въ Неву, другой въ Новороссійскъ, а матросы при этомъ никого знать не хотятъ и требуютъ реставраціи Дыбенки или еще чего, на что потянуло прихотливую матросскую душу.

Братъ мой Ленинъ! Зачѣмъ вамъ это? Вѣдь все равно, все идетъ вкривъ и вкось и всѣ недовольны.

Почему мы, простые граждане имѣемъ право на личную жизнь, а вы не имѣете права на личную жизнь?

Да чертъ съ нимъ съ этимъ социализмомъ, котораго никто не хочетъ, отъ котораго всѣ отворачиваются, какъ ребята отъ ложки кастороваго масла.

Сбросьте съ себя всѣ эти скучныя сухія обязанности, представьте ихъ профессионаламъ, а сами сдѣлайтесь такимъ же свободнымъ вольнымъ человѣкомъ, такой же беззаботной птицей, какъ я... Будемъ вмѣстѣ гулять по теплымъ улицамъ, разглядывать свѣжія женскія личики, любоваться львами, медвѣдями, ѣсть шашлыки

въ кавказскихъ погребкахъ и читать великаго мудраго Диккенса—этого добраго обывателя съ улыбкой Бога на устахъ.

Не примите моего предложенія какъ обиду: а исключительно доброта сердца и сердечная симпатія водила рукой автора этого произведенія—

Архадія Тимофеевича Аверченко.

ПЛОДОРОДНАЯ СТРАНА.

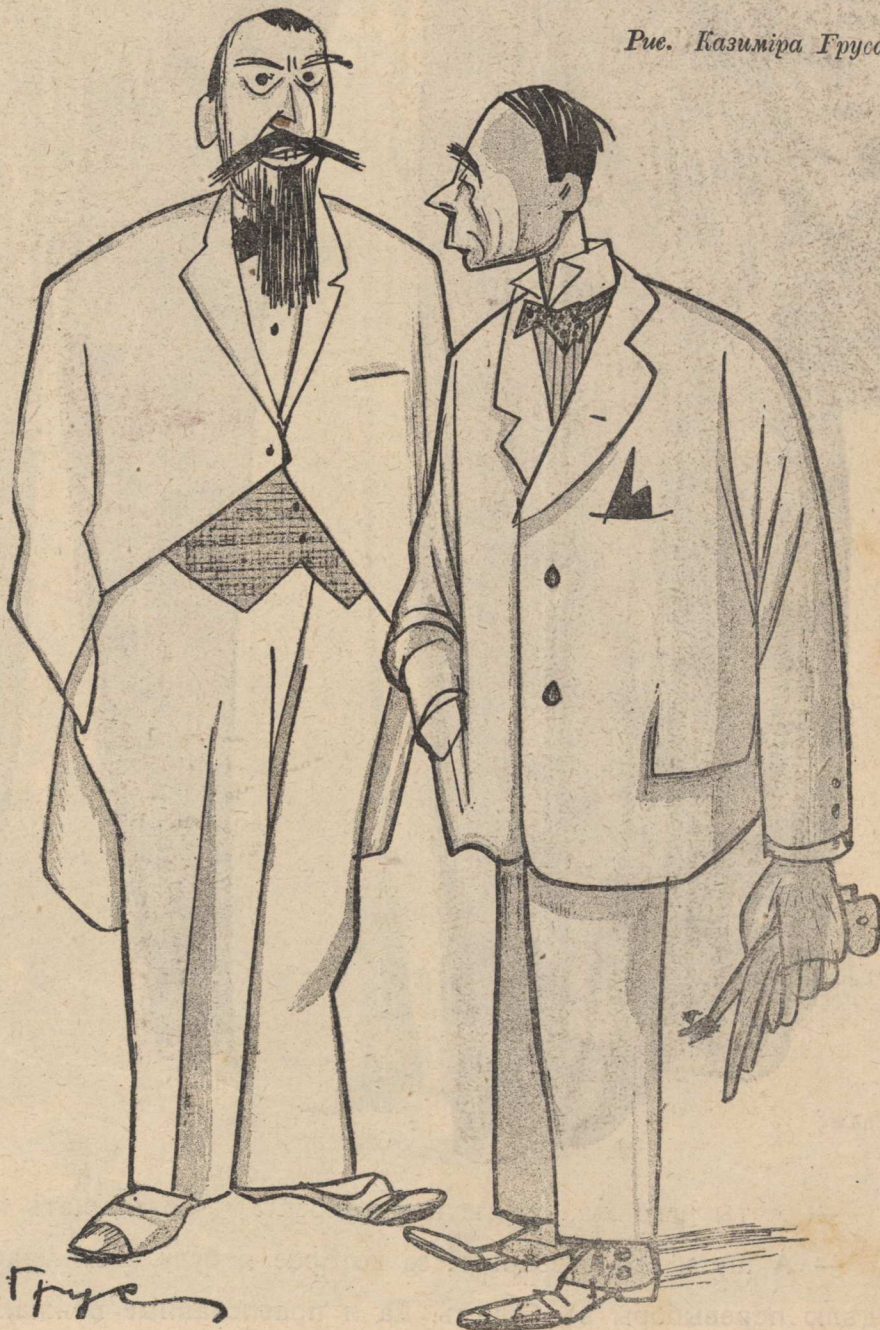
- А что у васъ въ этомъ году сѣяли что нибудь?
- Какже! Газеты, по словомъ совѣтской власти, смуту сѣяли.
- Только и всего?
- Только.
- А всходы были?
- Еще-бы. И жатву собрали: съ какой газеты пятьдесятъ тысячъ, съ какой сто.

АССОЦІАЦІЯ.

- Я вамъ съ удовольствіемъ дамъ совѣтъ.
- Еще бы! Всякому пріятно отъ нихъ избавиться.

ОБЪЯСНЕНІЯ ПО СУЩЕСТВУ.

Рис. Казимира Груса.

- Что такое „демаркаціонная линія“?
- А это такое, вродѣ резиновой нитки. Нѣмцы могутъ растягивать ее какъ хотятъ, съ такимъ расчетомъ чтобы въ любое время выпустить эту резину изъ рукъ и щелкнуть насъ по носу.

— А ты чего же, отецъ, нонѣ пересталъ возглашать многолѣтіе правительству?

— А шутъ его разбереть, за которое я буду возглашать „многолѣтіе“, коли у насъ каждую недѣлю перевыборы въ Срисдѣ. Да и православные обижаются... Когда возгласишь: „Многа-ая лѣта Совнаркому, Цику, Исполкому и Срисду-у—то такъ всѣ и ахнутъ: послѣдніе, говорятъ, времена пришли—батъка по японски заговорилъ!

ГРОЗА НѢМЦЕВЪ - ЧИЧЕРИНЪ

Нѣмцы взяли Ростовъ.

Русскій комиссаръ иностранныхъ дѣлъ—Чичеринъ рѣшилъ проучить развязныхъ нѣмцевъ, какъ слѣдуетъ.

Онъ отправилъ въ Берлинъ ноту:

— „Считаю взятіе вашими войсками Ростова нарушеніемъ брестскаго договора. Протестую“.

* * *

Эта телеграмма произвела въ Берлинѣ впечатлѣніе разорвавшейся бомбы.

— Что мы надѣлали!—хватился за голову фонъ-Кюльманъ.—Чичеринъ протестуетъ!

— Вѣхали въ исторію,—простоналъ Вильгельмъ, съ лицомъ, искаженнымъ ужасомъ.— Очень намъ нужно было раздражать этого страшнаго Чичерина!

— Можетъ, взять да вернуть имъ потихоньку Ростовъ,—несмѣло предложилъ молодой дипломатъ.

— А что толку? Ростовъ вернемъ, а протестъ, этотъ жуткій, леденящій душу протестъ, все таки останется.

— Послушайте... А что если не считаться съ этимъ протестомъ?

— К... какъ?! Да вы съума сошли, молодой человѣкъ?

Чтобы какая-то тамъ Германія не считалась съ протестомъ Чичерина, самаго Чи-че-ри-на! Этой грозы и ужаса импералистическихъ государствъ!

Но молодой, совсѣмъ еще неоперившійся наивный дипломатъ не унимался:

— А что онъ намъ можетъ сдѣлать, этотъ Чичеринъ?..

— Какъ что? Какъ что? Въ умѣ ли вы молодой человѣкъ?!

— Ну, да вотъ я и спрашиваю—что? Арміи у нихъ нѣтъ... Раньше была огромная стойкая армія, но большевики разрушили ее всякими „Солдатскими правдами“ и неправдами. Чего же вы такъ теперь испугались?

Маститые германцы призадумались.

— А вѣдь вѣрно, господа. Чего тамъ его бояться? Захотѣли и взяли Ростовъ!

— Хе-хе. И чего мы блѣднѣли, спрашивается?

— Однако, что же дѣлать съ протестомъ?

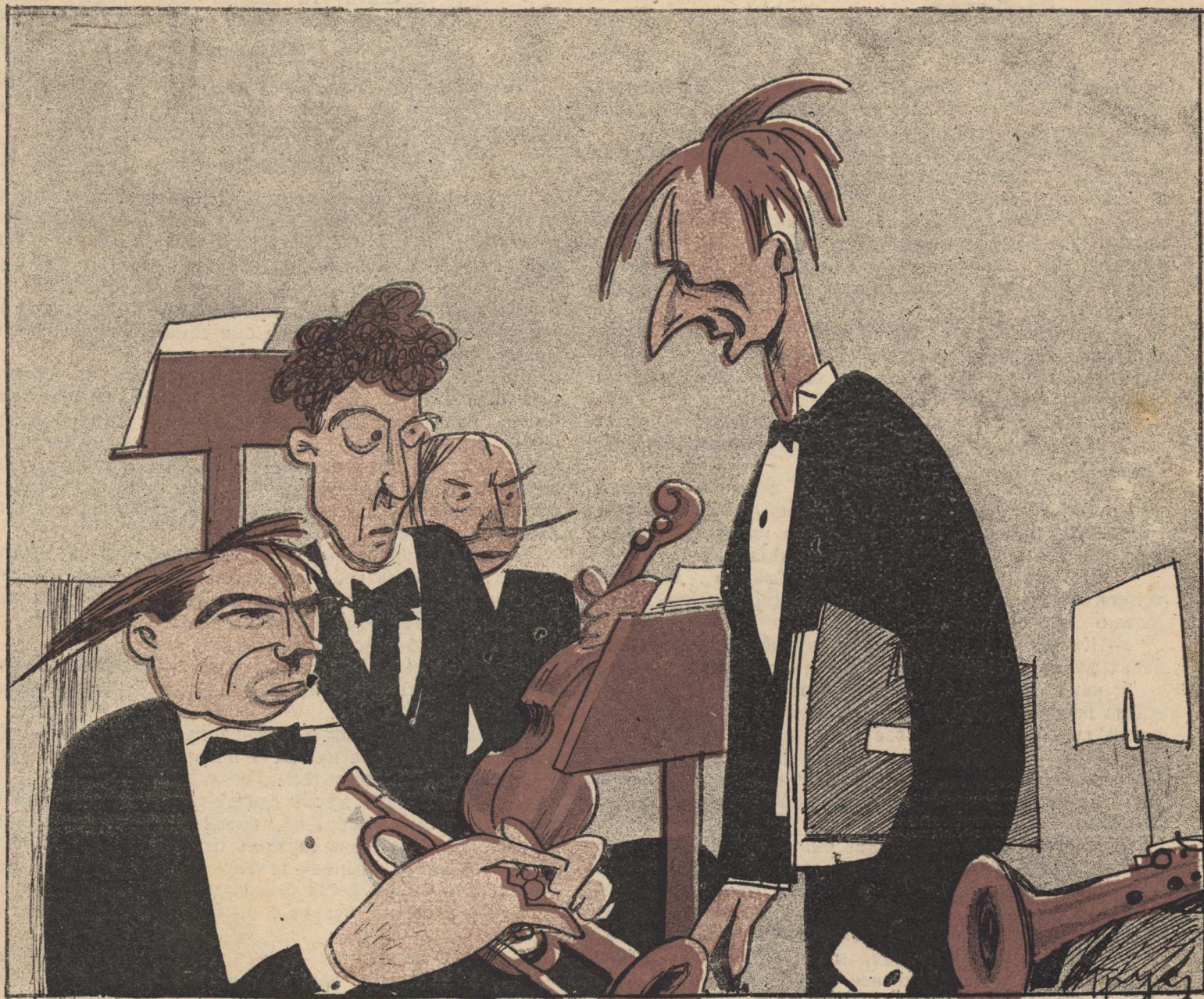
— А вотъ у васъ столъ въ залѣ засѣданій шатается. Сложите телеграмму протеста и подсуньте подъ короткую ножку.

И было такъ и сталъ германскій импералистическій столъ еще устойчивѣе, чѣмъ прежде.

Медуза-Горгона.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЧУТЬЕ.

Рис. К. Груса.

НА РЕПЕТИЦИИ КІЕВСКАГО ОРКЕСТРА

Дирижеръ:—... Ну, ноты „Интернаціонала“ можно теперь отложить на верхнюю полку. Достаньте-ка со средней полки „Боже царя храни“—пройдемъ на всякій случай...

ВКУСЫ КРИВОГО ДЖЕНКИНСА.

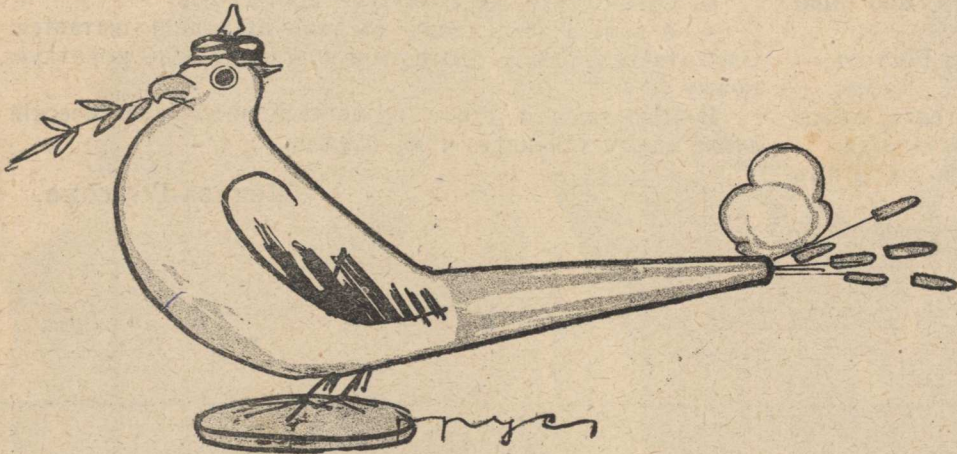
Фельетонъ Арк. Бухоба.

Старожилы говорятъ, что это произошло въ штатъ Небраско, въ то время, когда тамъ было сравнительно мало населенія и очень много холеры.

Промышленность стала падать.

— Теперь выгодно торговать только трубками и записными книжками для покойниковъ — сказалъ послѣдній изъ купцовъ, закрывая лавочку — къ чорту торговлю.

Пріѣзжій циркъ заработалъ за недѣлю два доллара, которыхъ не хватило даже на починку брезента, прож-

женнаго папиросами бесплатныхъ зрителей. Въ звѣринцѣ, притащившемся изъ Огайо, была такая тишина, что звѣри стали скучать и требовать вдвое больше пищи.

Выборные представители власти умирали съ такой же быстротой и внезапностью, какъ и простые граждане въ кожаныхъ штанахъ и полотняныхъ рубахахъ. Бывало такъ, что едва только собирались граждане для выборовъ вмѣсто умершаго городского головы новаго — кандидатъ уже вертѣлся въ судорогахъ и предпочиталъ цинковый, плотно обпаянный гробъ самому почетному въ городѣ креслу.

— Мы останемся съ одной холерой — хмурились первые поселенцы Небраско, бывшаго тогда еще маленькимъ городкомъ — это очень почтенная болѣзнь, но ея недостаточно для управленія городомъ.

— Кромѣ того нельзя назначать выборовъ въ холерныхъ баракахъ. А больше нигдѣ нѣтъ такого скопленія гражданъ.

— Я видѣлъ на Ориноко одного шкипера — слышались робкія предложенія — который четыре раза хворалъ чумой. Холеру онъ выдержитъ какъ насморкъ. Можетъ привезти его и заставить управлять дѣлами?..

— Можетъ быть... У насъ есть Слимми... Онъ такъ промокъ насквозь виски, что холера не справится съ нимъ... Можно было бы...

— Къ чорту Слимми. Онъ въ первый же день напоить всѣхъ дѣтей водкой и будетъ купать кошекъ въ спирту...

И какъ это всегда бываетъ, трезвая логическая мысль всегда просочится черезъ толщу криковъ и, вылетѣвъ изъ одной сухой глотки засядетъ въ чужихъ мозгахъ: всѣ вспомнили о кривомъ гробовщикѣ Дженкинсѣ, человѣкѣ безъ улыбки, безъ ноги и знавшему жизнь какъ свои десять пальцевъ, изъ которыхъ три были оторваны еще въ дѣтствѣ.

И дѣйствительно Дженкинсъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ Небраско, которому холера показалась самымъ пріятнымъ и прибыльнымъ сосѣдомъ. До ея прихода въ Небраско умирали неохотно и часто Дженкинсъ, сидя верхомъ на единственномъ готовомъ гробу въ своей лавчонкѣ, проклиналъ жителей города, которые доживали до девяности лѣтъ, а потомъ уходили умирать въ сосѣднія поселенія, доставляя готовый заработокъ его конкурентамъ.

Бывали случаи, что какого-нибудь молодца, получившаго пулю въ животъ, Дженкинсъ имѣлъ полное основаніе считать вѣрнымъ кліентомъ и даже затрачивалъ кое-что на матерьялъ, чтобы кліентъ еще при жизни могъ полюбоваться помѣщеніемъ, которое ему приготовилъ кривой Дженкинсъ. Но и въ этихъ случаяхъ Дженкинсу не везло.

Вѣрный кліентъ вытаскивалъ при помощи цѣпкихъ пальцевъ и охотничьяго ножа пулю, выпивалъ нѣсколько пинтъ крѣпкаго пива, а черезъ двѣ недѣли веселый и румяный уже стоялъ передъ Дженкинсомъ и грозилъ избить его рукояткой револьвера за намѣреніе похоронить его въ простомъ деревянномъ ящикѣ, какъ какого-нибудь при- блуднаго негра.

Теперь для Дженкинса наступила пора небывалаго благополучія. Около его лавчонки вся дорога была завалена свѣжими стружками, человѣкъ шесть бывшихъ золотоискателей день и ночь сколачивали гробы, а самъ Дженкинсъ, благодушно улыбаясь прислушивался прогрызанному ухомъ къ непрестаннымъ требованіямъ гражданъ о новыхъ заказахъ.

— Я готовъ подарить холерѣ лучшую трубку — хохоталъ Дженкинсъ — она этого заслужила. Мебелишка для покойниковъ это лучшее средство подкопить горшокъ долларовъ...

Въ одну изъ такихъ веселыхъ минутъ къ Дженкинсу и пришла делегация отъ гражданъ Небраско, съ просьбой занять мѣсто городского головы.

— У тебя хорошо идутъ дѣла — сказали делегаты — ты знаешь весь городъ и столько времени сидишь по горло въ холерѣ, что навѣрное уже не сдохнешь. Потомъ мы тебя выкинемъ.

Дженкинсу это показалось лестнымъ и онъ согласился. Съ этого дня и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Небраско пережилъ самое тяжелое время своего существованія.

* * *

Первымъ приказомъ кривого Дженкинса было распоряженіе о томъ, чтобы всѣ кости и черепа, которыхъ много накопилось на кладбищѣ, перерытомъ для новыхъ могилъ, валявшіеся по дорожкамъ, были отданы ребятамъ для игры.

— Пусть возьмется — сказалъ Дженкинсъ — молодыхъ дьяволятъ надо приучить къ тому, что завтра задрыгаютъ ногами ихъ родители, или даже они сами. Костей не жалко. Новыя будутъ.

На слѣдующій день во всемъ Небраско не было ни одного мальчишки, который-бы не таскалъ на веревкѣ пару реберъ, или не каталъ-бы какъ мячъ, по улицамъ коричневый сухой черепъ какого-нибудь бѣдняги, убѣжавшаго на тотъ свѣтъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Сынъ трактирщика Черка даже ухитрился пить изъ колѣнной чашечки, отнятой у другого мальчишки, смѣсь портера и малиноваго сиропа.

— Этотъ проклятый змѣенышъ — жаловался Черкъ — сдѣлалъ изъ моей квартиры кладбище. У меня хрустятъ подъ ногами кости, а старуха жалуется, что у нея подъ кроватью хватить матерьяла на десять покойниковъ.

То же было и во всѣхъ семьяхъ.

— Дженкинсъ, ты — старый дуракъ — заявилъ одинъ изъ горожанъ — и такъ тошно на душѣ, а тутъ еще кости эти повсюду.

— Ничего — успокоилъ Дженкинсъ — завтра я васъ всѣхъ повеселю. Приходите на Косую площадь, къ тавернѣ Трехъ Собакъ. Тамъ повеселитесь.

Въ означенномъ мѣстѣ единственный католическій пасторъ во всемъ Небраско, бывший слесарь, по приказу Дженкинса цѣлый день служилъ панихиду.

— Отпоетесь заранѣе — разъяснилъ Дженкинсъ — и легче. По крайней мѣрѣ когда бултыхнетесь въ могилу никакой заботы о васъ не будетъ... И городу легче и родственникамъ.

— Какъ-же это мы — живые-то? — удивились горожане.

— А мертвыхъ васъ заашишь? — разсердился Дженкинсъ — Идите, идите, отпанихидивайтесь...

Черезъ нѣсколько дней граждане Небраско стали возмущаться.

— Опять этотъ дьяволъ гнуситъ? И такъ безъ него радости мало...

— Влѣпи ему Джимъ пулю въ глотку...

— Пѣсенки тянеть... Безъ него умереть не сможемъ...

Съ каждымъ днемъ становилось хуже. Уже по приказу Дженкинса на всѣхъ домахъ были намалеваны кресты; хоронить начали подъ окнами почты; заѣзжіе фокусники, которому все равно было нечего дѣлать, подучился у пастера панихиднымъ словамъ и тянулъ ихъ когда тотъ переставалъ и шелъ промачивать горло безплатными элемъ и виски въ заведеніи Черка.

Наступило уныніе, какого еще никогда не было въ Небраско.

— Чувствую себя падающею—заявилъ старикъ Брайсъ— Еще двѣ недѣли и я убѣгу, или повѣшусь на деревянной ногѣ этого дьявола Дженкинса.

— По утрамъ у меня во рту вкусъ ладана—поддакивалъ Сминнеръ—бродяга—лучше ужъ проглотить гвоздь и на самомъ дѣлѣ умереть, чѣмъ жить въ такой обстановкѣ...

Проходили дни, а Дженкинсъ все придумывалъ и придумывалъ свои кладбищенскіе порядки...

И вдругъ...

* * *

Этого вдругъ—я не знаю. Не знаю кому, какъ и чѣмъ удалось объяснить кривому Дженкинсу, что въ городѣ, гдѣ и такъ несетъ смертельно изъ каждой щели, нельзя заставлять гнустъ панихиды на площади, разставлять кресты и катать черепа по улицамъ. Меня больше интересуетъ, когда мы сами выберемся изъ того положенія, въ какомъ, какъ увѣряютъ старожилы, былъ Небраско.

Ежедневно, просматривая газеты, проходя по улицамъ, разговаривая со знакомыми—я вижу, читаю, впитываю въ себя эти лекціи о гибели Россіи, эти статьи объ общей смерти послѣ—завтра, эти диспуты о насъ, какъ о покойникахъ...

Солнце. Май. Хочется травы, воздуха и улыбокъ живыхъ людей, ребячьихъ криковъ и животнаго сознанія: живъ, живъ...

А наши тупые Дженкинсы захлебываясь кричатъ о смерти, смерти, гибели, гибели... Да знаю что плохо. Знаю, что тяжело но не тяните вы послѣднія, жилы, не выкручивайте послѣдніе нервы...

Эй вы, —перестаньте катать черепа по улицамъ...

Арх. Буховъ.

ГОРОДЪ ЗЕЛЕННЫХЪ КРЫШЪ

Граждане!

Переѣдемъ въ глухой уѣздъ,
Заселимъ неуклонно хуторъ за хуторомъ,
Развѣ уже не осталось мѣстъ
Съ акварельными облаками раннимъ утромъ?
Станемъ въ городѣ жить зеленыхъ крышъ,
Валъ высокій вокругъ нароемъ,
Запретимъ отъ лица возлюбившихъ тишь
Въ этотъ городъ входить политикамъ и героямъ.

Потому что

Надобѣл мнѣ шумный плакатъ
Пѣнящій мясо шрифтовъ красныхъ;
Знаменитыхъ именъ восьминогій
скалъ
Задушилъ обыкновенныхъ и совершенно частныхъ

Отграичимся

Отъ прославленныхъ на страницахъ газетъ
Мѣднымъ кофейникомъ и цвѣтущимъ фикусомъ,
Да править нами безымянный

Зотъ]

Съ неслышнымъ секретаремъ
своимъ господиномъ Иксомъ

а если

Жизнь съ событіями сопряжена
И захочетъ первый захватить призъ въ томъ—
У страхового агента молодая жена
Пускай чуть-чуть не убѣжитъ съ артистомъ;

а если

Все таки пожелаетъ рокъ
Яркой славы показать образчикъ—
Пусть Ивану Ивановичу достанется вѣнокъ,
Починившему у батюшки музыкальный ящикъ.
Погрузимся въ скромное съ головы до пятъ
Пусть главнымъ будетъ изъ нашихъ девизовъ:
—Марья Иванна! Щи кипятъ!—
Развѣ дерзкій въ этомъ не звучитъ вызовъ?

Будемъ влюбляться

Въ невинныхъ Марусь
Покупая взаимность за шоколадныя плитки,—
Я первый устроить романъ берусь
Ночью весенней у скрипучей калитки...
Кротко станемъ просить Творца
Безпечальности свѣтлой въ жизни здѣшней
И вымалывать за обѣдней судьбы скворца,
Надѣленнаго застрахованной отъ огня скворешней.

Будемъ варенье варить.

Въ саду
На радость Олекъ сосѣдскихъ и Ленокъ,
Которыя опредѣленно имѣютъ въ виду
Глазами жадными выклянчить пѣнокъ...
Солнце-ли ярко? Мѣдный-ли тазъ?
Солнцу упрямо, лѣзетъ въ ровни?
Пчелиный-ли подъ ухомъ прозвучалъ бастъ,
Или колоколъ спѣлъ по дальней часовнѣ?
О великолѣпная голубая тишь,
Люди одинаковые какъ зерна жита,
Возлюбленный городъ Зеленыхъ Крышъ,
Многоцвѣтная мелочь повседневнаго быта.

Рождаться и вѣнчаться

и встрѣчать смерть,
Которая, какъ хозяйинъ, крѣпкой и новой,
Въ частоколѣ истлѣвшую замѣняетъ жердь
Розовымъ утромъ или въ вечеръ лиловый...

Валентинъ Горановіи.

ИМПЕРІАЛИЗМЪ ОСКАЛИЛСЯ.

— А Германія, все таки, не смотря на миръ, имѣетъ противъ насъ зубъ.

— Да. И на этомъ зубѣ—коронка.

РЕСТАВРАЦІЯ.

Говорятъ, что послѣ рѣчи
Ленина о возвратѣ къ капитализму московскіе футуристы измѣнили свой національный гимнъ:

Ѣшь ананасы и рябчика жуй!
Снова вернулся денекъ твой,
буржуй!

ПО ПОВОДУ.

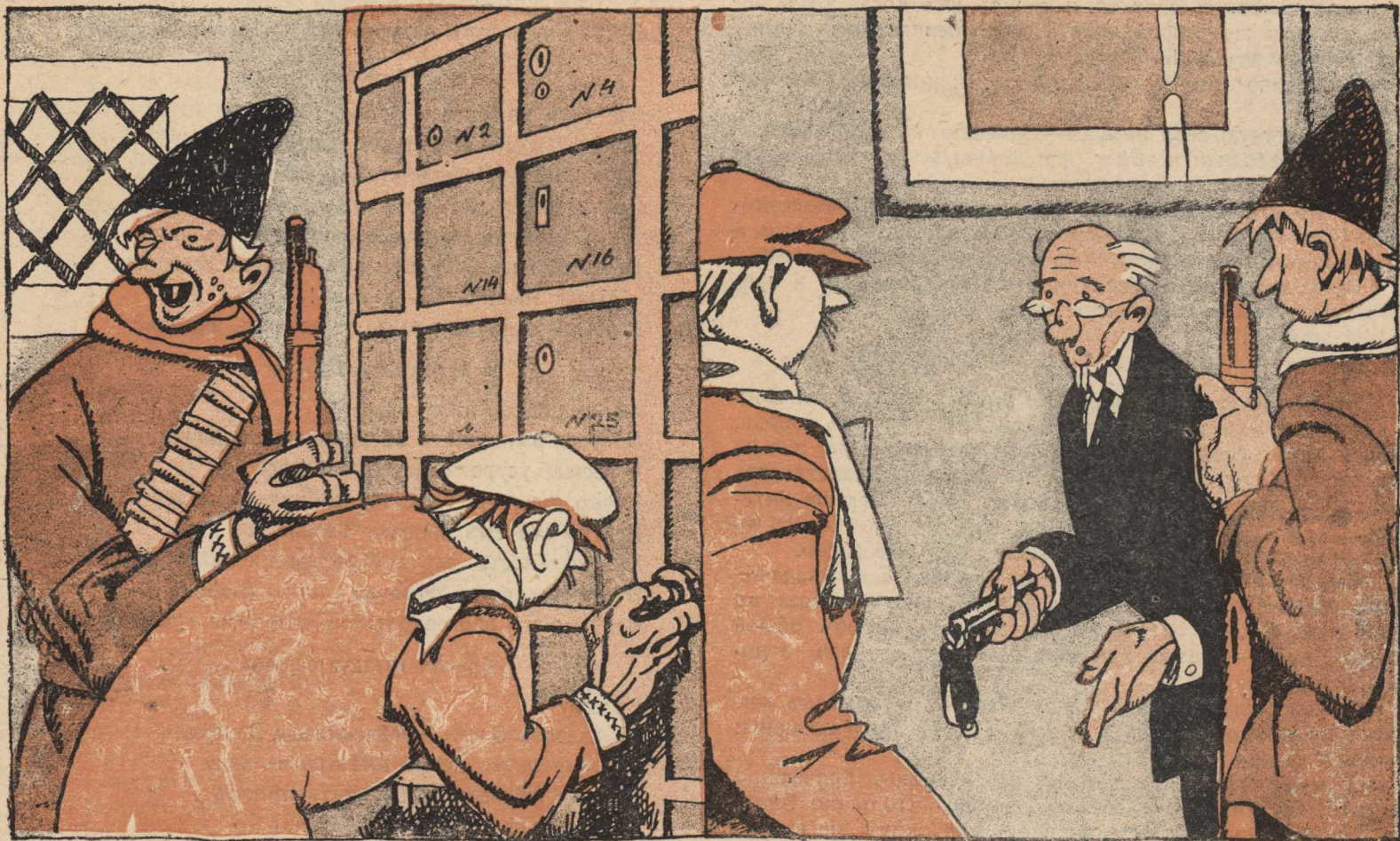
По опредѣленію русскаго писателя вся Россія раздѣлялась на „патріотовъ своего отечества“ и „мерзавцевъ своей жизни“.
— Вторая категорія теперь преобладаетъ.

„О Ш И Б К И В Л А С Т И“.

Въ этомъ безумиѣ есть что-то
методическое...

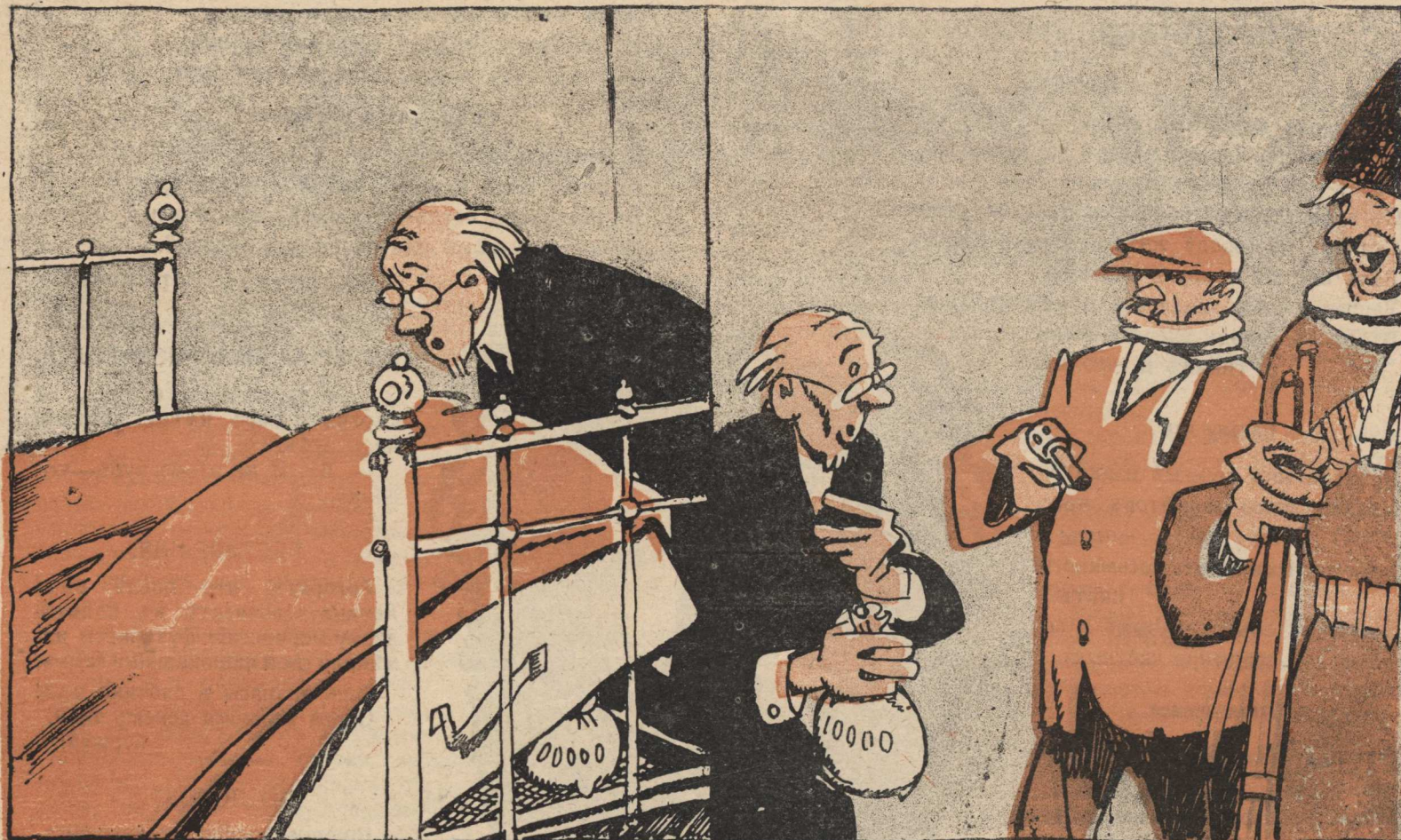
Шекспиръ.

Рис. Б. Антонъ вскал.

Захватили сейфы мирныхъ гражданъ...

Конфисковали у мирныхъ гражданъ оружіе...

И когда, лишенный сейфа гражданинъ, сталъ прятать
свои сбереженія подъ перину —

Явились обыкновенные грабители съ оружіемъ и от-
грабили у лишеннаго оружія гражданина все накопленное...

Марковъ II.—Павелъ Николаевичъ! Кружились, кружились—и опять, кажется, около того же прежняго мѣста остановимся!..

НАПОМИНАНІЕ КРЫЛАТОМУ САБОТАЖНИКУ.

Послушай, ты, крылатый саботажникъ,
Обращаюсь къ тебѣ въ послѣдній разъ,
Открыто и честно, съ глазу на глазъ:—
Отдай немедленно набитый бумажникъ,
Исподтишка всунутый въ небесномъ чертогѣ...
Ты видишь—я одна, у тебя на порогѣ.
Ты видишь—я плачу, мнѣ черезчуръ больно,
А ты все еще медлишь,
Ты все еще не сказалъ „довольно“...

* * *

Посмотри—Европа на одинъ глазъ ослѣпла,
И на Соммѣ, на Ипрѣ растутъ клыки.
Ангель мира, скорѣй настилай мостки
Отъ страны къ странѣ надъ долинами пепла...

* * *

Подъ зеленымъ хаки крошится разумъ,
У истоковъ сердца растетъ щетина.
За четыре года ты не явилъ ни разу
Взорамъ молящимъ мечъ Палладина.

* * *

Послушай, зачинщикъ небеснаго саботажа,
Ты долженъ немедленно наладить работу.
У фортуны сломалось колесо въ экипажѣ,
А по тропамъ Европы гремитъ охота.

* * *

Еще не всѣ колокола перелиты въ пушки,
Не у всѣхъ еще женщинъ—вдовьи уста.
Спѣши сквозь терновника чашъ: на опушкѣ,
Ты распятаго снимешь Христа...

Александръ Флитъ.

ВЪ ПЕТРОГРАДСКОМЪ МАГАЗИНѢ.

Доннеръ-ветеръ! Этотъ приказчикъ имѣетъ наглость говорить по русски! Надо вывѣсить другіе плакаты: запрещается говорить по русски!

ПОЛЕЗНЫЯ ВЫДЕРЖКИ.

Фельетонъ Л. Аркадскаго.

Настоящая статья написана гр. Иваномъ Степановичемъ Доховымъ, авторомъ популярныхъ трудовъ. — „Каждый самъ себѣ рафинадъ“, „Пища и ея родственники“, „Складная карта человѣческаго аппетита“ и др. — по специальному заказу редакціи „Нов. Сатирикона“ и является нашей попыткой прійти на помощь читателямъ, заинтересованнымъ въ дешевой и питательной кухнѣ

Статья появляется въ значительно сокращенномъ видѣ, такъ-какъ по первоначальному плану редакціи, она должна быть отпечатана отдѣльнымъ изданіемъ, на веленовой бумагѣ сопровождаться діаграммами, фотографіями, а также нотами.

Ив. Ст. Доховъ родился 13 мая 1869 года, прошелъ курсъ наукъ въ Воронежской гимназіи; съ лѣта 1908 года безвыѣздно живетъ въ Петербургѣ, занимаясь частными заказами, литературой, а такъ-же земледѣліемъ и, въ предѣлахъ приличія, геометріей.

Чѣмъ замѣнить хлѣбъ.

Легче всего замѣнить хлѣбъ бутербродами. Простѣйшій способъ*) приготовленіе такое: берутся два бутерброда съ колбасой, причемъ съ одного изъ нихъ**) простымъ столовымъ ножомъ счищается масло, снимается колбаса и

все это переносится на другой бутербродъ. Получаемый хлѣбъ очень питателенъ и содержитъ массу бѣлковыхъ веществъ.

Другой способъ замѣны хлѣба подходящими суррогатами *).

Самый безвредный суррогатъ хлѣба—бѣлая мука. Если взять нѣсколько стакановъ этого суррогата, смѣшать его съ водой, прибавить дрожжей, соли, сахару, яицъ и молока и поставить все это въ печь, черезъ нѣкоторое время получается довольно питательная масса, которую можно, въ нарезанномъ видѣ**), подавать къ столу. Во многихъ домахъ, съ хорошими хозяйками, оно замѣняетъ хлѣбъ, а въ такихъ губерніяхъ какъ Саратовская и Харьковская получило большое распространеніе.

Лукъ, канъ напитокъ.

Берутъ крупную***) большую луковицу, счищаютъ кожу, кладутъ остыть и жарятъ кусокъ телятины въ маслѣ. На первое лучше всего—супъ изъ раковыхъ шеекъ. Послѣ обѣда подается малиновый сиропъ. Этотъ напитокъ замѣчательнѣе тѣмъ, что утоляетъ жажду. Подается въ лежачемъ видѣ.

Огородъ у себя дома.

Обстоятельства нашего времени привели насъ къ интенсивному огородничеству. Огородъ можно устроить и дома. Лучше всего начать съ цвѣточныхъ горшковъ и уже впо-

*) Одобрень согласительной комиссіей въ Псковѣ.

**) Лучше съ того, который слѣва.

*) Система И. С. Дохова.

**) Такъ наз.—Iomti.

***) по вкусу.

слѣдствіи перейти къ засѣвамъ незанятыхъ площадей. Для этой цѣли земля, принесенная со двора, сваливается на письменный столъ, уваживается, обѣмняется и не проходитъ друхъ лѣтъ, какъ появляются огородныя злаки. Злаки можно ѣсть съ солью и масломъ. Лучше всего придерживать трехпольной системы — т. е. засѣвать одновременно не три комнаты сразу, а одну оставлять подъ паромъ на траву, гдѣ бы могъ пастись скотъ. Такъ напимѣръ засѣвая кабинетъ рѣпой, въ будуаръ хозяйки дома можно пустить пастись кошку, а столовую постепенно уваживать для будущихъ посѣвовъ. Уваживание почвы происходитъ путемъ обкладыванія ея книгами нелюбимыхъ авторовъ.

Выращивать можно только предметы первой необходимости. Мясные консервы не поддаются огородной культурѣ, какъ и кетовая икра. Въ городахъ съ болѣе умѣреннымъ климатомъ и правительствомъ бывали правда случаи, что посаженная каракулевая муфта разрасталась въ баранье дерево, съ котораго большими садовыми ножницами срѣзались молодые барашки для шашлыковъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже выросли съ готовыми вертѣлами внутри, такъ какъ въ посаженной муфтѣ была случайно оставлена дамская шляпная булавка, но это случай чрезвычайно рѣдкій.

Яблочное пюре изъ капусты.

См.—рагу изъ телятины.

Какъ узнать снятое молоко?

Надъ этимъ вопросомъ мучались лучшіе умы предпослѣдняго столѣтія и до сихъ поръ въ наукѣ нѣтъ точныхъ данныхъ. Качество молока лучше всего узнать опустивъ въ него простую лакмусовую бумажку, немного негашеной извѣсти и мыльнаго порошку (по вкусу). Сразу молоко реакціи не дастъ—необходимо дать выпить его, хорошо размѣшавъ содержимое, кому-либо изъ ближнихъ членовъ семьи. Въ одиннадцать часовъ утра слѣдующаго дня опытная хозяйка съ термометромъ въ одной рукѣ и съ номеромъ телефона сосѣдняго гробовщика въ другой, всегда можетъ опредѣлить силу дѣйствія негашеной извести на организмъ упомянутаго члена семьи. Изъ молока вообще можно дѣлать сливки.

Ваниль, какъ питанье.

Въ особо затруднительныхъ случаяхъ немногочисленная семья можетъ пропитаться 4—5 палачками ванили, не принимая другой пищи, кромѣ обѣда и завтрака. Очень полезно при внезапномъ заболѣваніи крупознымъ воспаленіемъ легкихъ.

Р. С. Изъ всей статьи И. С. Дохова (род. 13 мая 1869; конч. гимн. въ Воронежѣ) мной взяты только тѣ совѣты, которые буквально необходимы при современномъ тяжеломъ положеніи. Большинство же теоретическихъ выводовъ И. С. Дохова (род. 13 мая 1869; конч. гимн. въ Воронежѣ) читатели найдутъ въ его специальномъ трудѣ „Ѣда вообще и какъ таковая“, выходящей на дняхъ, какъ при участіи И. С. Дохова (род. 13 мая 1869 г; кончилъ гимн. въ Воронежѣ), такъ и при сотрудничествѣ другихъ теоретиковъ.

Л. Арвадовій.

„СЪ ТОЧКАМИ“ И „БЕЗЪ ОНЫХЪ“

(трактатъ по соціальной грамматикѣ!)

„Е“ и то же «е», но—съ точками!

Велико ли тутъ различіе?

Пара точекъ но—надъ строчками...

Въ остальномъ—одно обличіе.

И чего глядитъ грамматика?

Тоже! Выдумаютъ правила!

Пара точекъ... Вотъ и на-те ка!

Ровно муха ихъ поставила.

Да и тотъ грѣхъ грамматики

Далеко не всѣми пишется—

Такъ что разница-то, братики,

Въ разговорѣ только слышится.“

Если кто либо, когда-либо
Вамъ такое вотъ повѣдаетъ—
Укажите ему на небо
И спросите, гдѣ обѣдаетъ.
Остальное скажетъ лѣстница—
Съ деревянной методичностью,—
О которую онъ треснется
Неудобной своей личностью.

Ха-ха-ха! „Грѣшекъ надъ строчками“!

Хе-хе-хе! „Одно обличіе“!

„Е“ и то же „е“ но съ точками!

Хи-хи-хи! „А гдѣ жъ различіе“?

Да! И я передъ декретикомъ

Черпалъ медъ по библиотекамъ,

Былъ наивнымъ теоретикомъ,

Былъ наивнымъ идиотикомъ...

А потомъ, когда мнѣ силою,

Съ дѣловой улыбкой кроткою

Да „вселили“ одну милую

Съ крокодиловою глоткою,

Да вотъ этакая бабища

Съ возмутительною миною,

Словно идолъ въ нѣдрахъ капища

Поглотила всю гостинную—

Понялъ я безъ околичности,—

—Точки зря не помѣщаются:

Результаты ихъ наличности

Всею шкурой ощущаются.

Ибо—всей душою плѣнною

Клятву дамъ опредѣленную:

Обожаю всю „вселенную“!

Ненавижу всю „вселенную“!

И, когда вторая—съ точками—

Надъ безточечной куражится—

Блещетъ первая листочками

И, увь, съ овчинку кажется!

Владиміръ Воиновъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

„Я ничего не ѣлъ“

Раньше выдавали „по 1/2 фун. мыла на ѣдока“. Въ послѣднее время этотъ вкусный продуктъ замѣненъ другимъ, менѣе вкуснымъ. Газеты сообщаютъ:

11 мая петроградскіе рынки представляли настоящую пустыню: торговали только солеными кишками, да копченой селедкой и туфлями.

Соленая кишка, приготовленная на мылѣ и запеченая въ гарнированной селедкой туфлѣ—вещь не послѣдняго разбора!

Новая бюрократія

Опубликованъ составъ „Правительства Сѣвернаго состава“.

Что въ ротъ—то спасибо!

Во главѣ стоитъ недавно выбранный земскій статистикъ Пома-ревъ. Постъ министра народ. просвѣщенія занимаетъ 16 лѣтняя гимназистка Вальяно, исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ мѣстнаго сапожника, абсолютно не грамотнаго (фамилію подписать не можетъ).

Этимъ только представитель кавказской власти и отличается отъ другихъ представителей центральной власти, которые даже по двѣ фамиліи подписать могутъ.

Что-же касается „министра народнаго просвѣщенія“—гимназистка Вальяно—ей и книги въ руки:

— Пускай учится бѣдная дѣвочка!

Къ исторіи русской революціи.

Новая Жизнь“ приводитъ предсмертное письмо морского офицера:

Маркс (большевику):—Я тебѣ оставилъ цѣлый „Капиталъ“, а какіе ты мнѣ приносишь проценты?

„Черезъ 15 минутъ меня не будетъ въ живыхъ. Насъ 30 чело-
вѣкъ офицероѣвъ привели на корабль и сейчасъ по-очереди обвари-
ваютъ паромъ. Мы смотримъ и ждемъ очереди. Я—пятнадцатый“.

Борьба съ борьбой борьбуется.

А Пиппа пляшетъ:

Въ Москвѣ вмѣсто закрытой газеты „Впередъ“ вышла газета
„Всегда впередъ“.

На это власть, вмѣсто стереотипнаго распоряженія:
„Закрываю“—издастъ новое: „Всегда закрываю“.

Колпаки.

Это извѣстіе несетъ радость всякому молодому мужчине:

Мучительный вопросъ о формѣ для красной арміи получилъ, на-
конецъ, удовлетворительное разрѣшеніе.

Придумана форма, одинаково устраивающая и самыхъ красноар-
мейцевъ, и идеологовъ интернаціонала, и эстетовъ.

Красноармейцы будутъ носить черную рубашку безъ пояса, „дли-
ною нѣсколько ниже таза“, съ отложнымъ воротникомъ à l'enfant
и съ алымъ галстукомъ.

На нихъ будутъ короткіе черные брюки и черные чулки. Башмаки
„съ очень небольшими каблучками“.

Головной уборъ—фригійскій колпакъ, чернаго цвѣта, съ алымъ
бантомъ на „лѣвомъ“ боку. („День“)

Колпакъ-то колпакъ, только съ какихъ это поръ онъ
называется фригійскимъ?

А бантъ на лѣвомъ боку—это мило. А правый бокъ,
унизить его, оставить совсѣмъ пустымъ.

Пусть чувствуетъ, буржуй!

Пролетарское искусство.

„Пролеткультъ“ только что открылъ свою дѣятель-
ность, а вкусы пролетаріата уже подняты на недостижимую
высоту:

Въ магазинъ картинъ заходятъ, въ качествѣ покупателей, иногда
крестьяне, рабочіе солдаты.

— Можно здѣсь подобрать къ этимъ рамамъ картины?—спраши-
ваетъ вошедшій въ картинный магазинъ крестьянинъ съ цѣлой охапкой
рамъ.

— Купилъ въ нашей конторѣ одинъ господинъ,—разсказываетъ
хозяинъ конторы,—двѣ картины за нѣсколько тысячъ рублей, а
потомъ тутъ же покупаетъ олеографію и, ясно видно: не различаетъ
олеографію отъ картины.

Это уже шагъ впередъ. А то когда солдаты знакоми-
лись съ картинной галлереей Терещенко, то все ихъ зна-
комство съ искусствомъ ограничивалось логичнымъ тезисомъ:
„Картина Полѣнова—бей ее полѣномъ.“

И еще:

Солдатъ долго торгуется на Александровскомъ рынкѣ за громадную
картину въ золоченной рамѣ и, наконецъ, покупаетъ за 50 рублей.
При этомъ беспокоится о томъ „добротна-ли“, т. е. прочны-ли краски
холстъ. Когда картина уже куплена имъ, онъ спрашиваетъ торговца:

— А что на ней написано?

Узнавъ, что на ней изображено усѣкновение Іоанна Предтечи,
онъ снова спрашиваетъ:

— А кто-жъ ему ее отсѣкъ?

И, навѣрное, пожалѣлъ, вздохнувъ потихоньку:

— Эхъ, меня тамъ же не было!

Водянка пустой мошны.

Жили были у отца три сына: первый умный, второй
такъ и сякъ, а третій—большевистскій финансистъ Ларинъ...

Выдержка изъ его доклада:

По мнѣнію Ларина финансовое положеніе страны не такъ без-
надежно. Расходный бюджетъ въ 80 милліардовъ рублей представ-
ляется, по словамъ Ларина, преувеличеннымъ. Изъ этой суммы
надо вычесть оборотныя средства, каковыми Ларинъ считаетъ, между
прочимъ, уплату жалованья рабочимъ націонализированныхъ пред-
пріятій и прочіе расходы предпріятій,—въ общемъ около 20 милліар-
довъ рублей. Остающіеся 60 милліардовъ представляютъ въ дѣйст-
вительности, въ виду обезцѣненія рубля, лишь 6 милліардовъ. Та-
кимъ образомъ нынѣшній бюджетъ превышаетъ до военный лишь
въ полтора раза.

Только-то? Сушій пустякъ! Есть о чемъ разговаривать!

А къ серединѣ года эти 60 милліардовъ вырастутъ въ
600 милліардовъ, а тамъ...

Что дальше-то за милліардомъ слѣдуетъ, г. Ларинъ?
Билліардъ.

И кончится это лихимъ маркерскимъ:

— Краснаго въ уголъ!

Шкунтикъ.

Кто знаетъ Шкунтика? Не знаете?

Ну, какже! Замѣчательная личность—Шкунтикъ:

Секретарь секціи минеральныхъ водъ союза рабочихъ пищевиновъ
нѣкій Шкунтикъ, предписалъ закрыть есѣ предпріятія, изготовляю-

щія минеральныя воды, для проведе-нія рабочаго контроля и центра-
лизации произво-ства. Рабочіе, встревоженные закрытіем предприя-
тій, обратились въ ц. комитетъ безработныхъ съ просьбой принять
мѣры къ недопущенію безсмысленнаго увеличенія числа безработныхъ.

Въ каждомъ дѣлѣ теперь есть свой Шкунтикъ, и
каждое дѣло, въ которое ткнетъ свой носъ Шкунтикъ,
лопается, какъ мыльный пузырь...

А Шкунтику хоть бы что: засвисталъ и поскакалъ
дальше.

Свинячье свидѣтельство.

Нѣмцы честно расплачиваются съ Украинской деревней:
За реквизированные продукты ничего не выдавали и довольно
часто въ такихъ случаяхъ выдавали расписку, которая въ букваль-
номъ переводѣ гласила: „Свинья моя, свидѣтельство твое“.

Какъ говорится—въякому свое.

Ихъ стиль.

Газетѣ «Красная Армія»

не нравится критика опытовъ совѣтской власти въ области воен-
наго дѣла.

Господа, не безпокойтесь: проживемъ какъ нибудь, ей Богу! Жили
безъ арміи, проживемъ и съ арміей.

Какъ это понимать?

Хорошее доказательство отъ „противнаго“!

Поощреніе начальства.

Большевикозъ похвалили. И радостно танцуютъ поль-
щенные большевики сарабоду на унылыхъ страницахъ
„Правды“:

Да кто похвалилъ-то?

А похвалилъ вѣрный человѣкъ: бывшій самодержавный
министръ Хвостовъ.

И „Правда“ захлебывается:

Дѣятель стараго режима привѣтствуетъ силу и твердость, револю-
ціонной власти онъ констатируетъ, что этимъ качествамъ не могла
похвастаться старая самодержавная власть.

Недавно большевики съ одобреніемъ Пуришкевича но-
сились. Теперь—Хвостовъ.

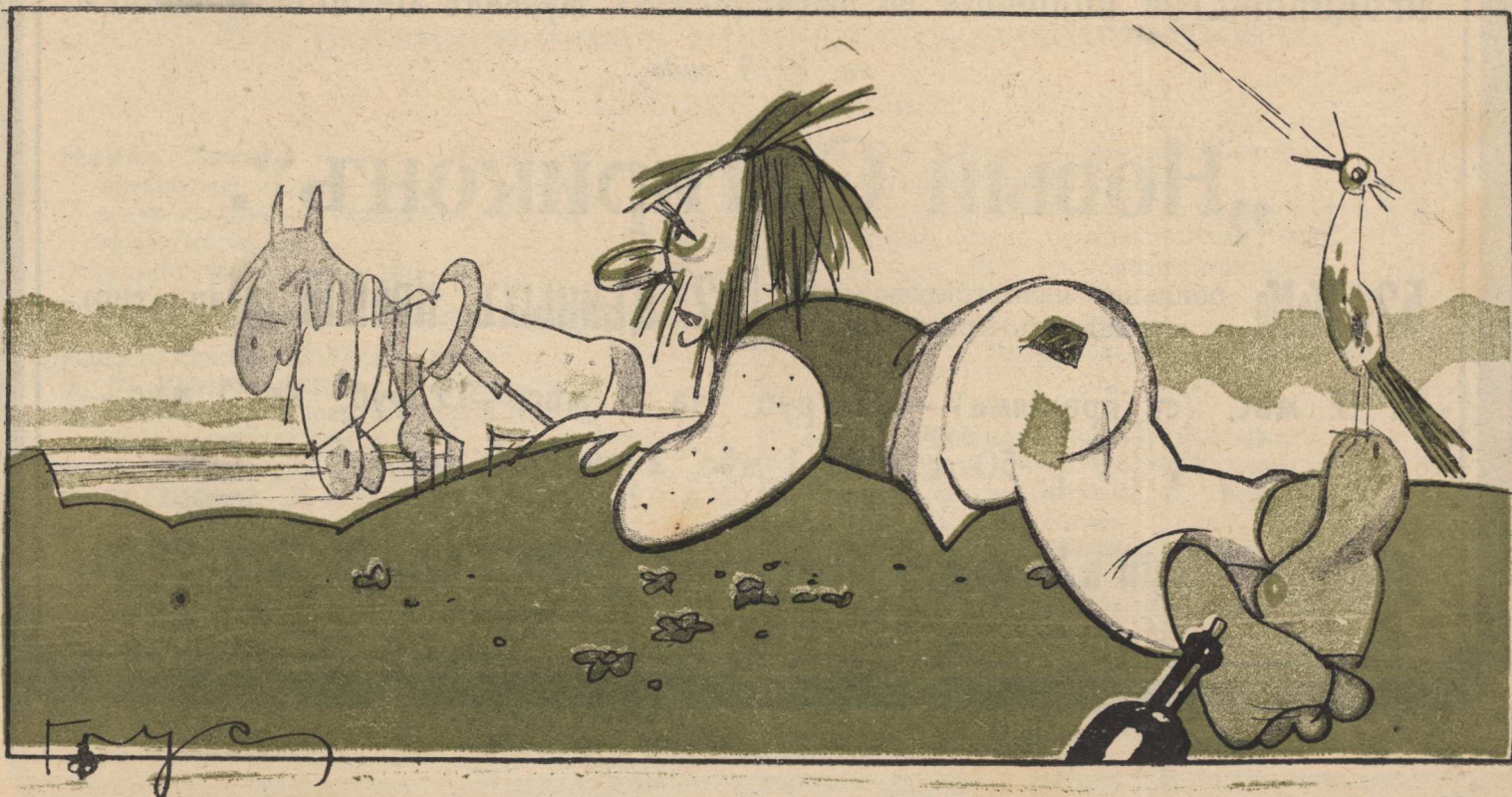
Что жъ... Когда нѣтъ голубей—лопаютъ и воронъ.

МЕДЪ ЕСТЬ — ЛОЖКИ НѢТЪ.

Рис. К. Груса.

Рачьше: Эхъ, есть охота работать—да земля вся у буржуевъ...

Теперь: —Эхъ, есть земля у меня, да охота работать —вся у буржуевъ...

Саломбала.

Все понятно въ нижеприведенномъ документѣ, кромѣ таинственнаго прокезскаго слова:

— Саломбала.

Въ редакцію „Сѣвернаго Луча“ доставленъ любопытный документъ, характеризующій въ какія уродливыя, бюрократическія формы выливается иногда дѣятельность нашихъ молодыхъ организацій. Вотъ образецъ:

ЛЕДОКОЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ

при

службѣ снабженія

и

содерж. ледоколовъ
Архангельскаго порта.

11 апрѣля 1918 года.

№ 290.

Саломбала.

Ледкомит. въ засѣданіи 9 апрѣля сего года, заслушавъ заявленіе команды ледокола „Гори“ о необходимости постановки койки для вновь назначеннаго машиниста, постановилъ—предложить малой Директнй Комиссіи совместно съ судовымъ Комитетомъ обследовать помѣщеніе на мѣстѣ и свое заключеніе о томъ, гдѣ и какъ удобнѣе устроить койку препроводить въ Ледкомитетъ.

Предсѣдатель Н. Росманъ.

Хорошо что изъ за койки побезпокоили не большую, а лишь „Малую Директнй Комиссію“.

А то Саломбало было бы еще хуже.

Прекрасное, по нашему мнѣнію слово.

— Почему это у насъ все разваливается, какъ разложившійся трупъ.

— А какъ-же: Саломбала.

— Чево-о?

— Саломбала.

— А а. А я думаль-что

Предсѣдатель Малой Директорной
Комиссіи.

Вѣрю я, наступитъ время такое,
Когда достигнемъ мы желаннаго покоя
Когда не будетъ ни Маннера, ни Токоя—
Вотъ это будетъ время какое!

Однимъ словомъ, время такое-сякое.

„Однѣмъ изъ немнѣгихъ“ (Гатчина).—Стихи вамъ не удаются. Попробуйте себя на прозѣ.

Напримѣръ: колоть дрова.

Аетъ-пису (Борису З.).—Авторъ взялъ эпиграфомъ къ своему длиннѣйшему и скучнѣйшему фельетону о большевикахъ—извѣстные стихи Федора Сологуба:

Мы—плѣнные звѣри.

Голосимъ, какъ умѣемъ...

Плохо вы голосите, плѣнный звѣрь.

Молчите ужъ лучше.

Семену Нови огу.—Пишетъ суровый Семенъ: „Прошу моего произведенія не критиковать въ почтовомъ ящикѣ, который мнѣ непріятенъ, а просто сказать да или нѣтъ.“

Слушаю-сь, ваше сіятельство.

„Критиковать“ не будемъ, но разрѣшите привести отрывокъ для любителей прекраснаго:

Раньше въ Городской Думѣ

Все сидѣли толстосумы,

А нынче большевики,

Которые задними мозгами (?) крѣпки.

И всякое ихнее мѣропріятіе,

Одно для публики непріятіе,

Въ прессѣ дѣлается сплошной тара-тамъ,

Да возъ и нынѣ тамъ.

Еще разъ общаемъ: „критиковать“ не будемъ.

Развѣ можно критиковать Венеру Милосскую? Высѣчено произведение — и д вольно!

Капитану Н. — „Боюсь, можетъ быть, рисунокъ не совсѣмъ твердый“...

Ну, чего тамъ бояться. Вѣдь намъ на немъ не сидѣть.

Рисунокъ, какъ рисунокъ. Только что плохой, а то ничего.

Вс. Ч-хину.—„Помню, сидѣлъ я съ покойнымъ дядей—пьемъ чай“ Господи помилуй—какіе ужасы! Ну, васъ. Читатель спать не будетъ.

Марусь Эмбе.—„Можетъ ли редакторъ принять менѣ наединѣ, безъ свидѣтелей!“

Не можетъ. Ему мама не позволяетъ заниматься такими глупостями.

Ave.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Синий-Нашинъ.—Вашъ развеселый псевдонимъ никакъ не совпадаетъ съ присланнымъ произведеніемъ, унылымъ до упаду. Читаешь—будто грязную суконку разжевываешь:

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ..

Издатель: Т-во „Н. Сатириконтъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

6-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМРА
на 1918 годъ.

„Новый Сатириконтъ“.

52 №№

обильно иллюстрированнаго
журнала въ краскахъ.

2 цѣнныхъ премій (бесплатно).

за 12 мѣс. (съ преміями)—30 руб. за 6 мѣс.—15 руб., за 3 мѣс.—

7 р. 50 к. и за 1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88, Тел. 59-07.

Готовится къ выходу въ свѣтъ новая книга пьесъ

АРК. АВЕРЧЕНКО.

Въ эту книгу, кромѣ новыхъ пьесъ, войдутъ и прежнія изъ первыхъ сборниковъ, цѣликомъ разошедшихся.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣ 5-ти руб. за пересылку не платятъ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко.

Синее съ золотомъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Подходцевъ и двое другихъ

Цѣна 3 руб. 50 коп.

О хорошихъ въ сущности людяхъ

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

О маленькихъ для большихъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Для выздоравливающихъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Сатириконцы въ Европѣ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Чудеса въ рѣшѣтѣ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Тэффи.

Не живой звѣрь.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Ничего подобнаго.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Дымъ безъ огня.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Карусель.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Аркадій Буховъ.

Чортово колесо.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Тихія непріятности.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Жуки на булавахъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Разговоръ съ сосѣдомъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

НОВОСТЬ.

Поступили на книжный складъ
„НОВАГО САТИРИКОНА“.

НОВОСТЬ.

Въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ

Слѣдующія изданія:

Маркъ Твенъ. Полное собраніе на прекрасной плотной бумагѣ; въ изящныхъ красочныхъ переплетахъ—12 томовъ. Цѣна 40 р. — к
Отдѣльные законченные томы по 3 » 50 »

Изящныя изданія въ красочныхъ переплетахъ:

Азовъ, Влад. „Цвѣтныя стекла“ 3 » — »
В. М. Дорошевичъ. „На смѣхъ“ 3 » — »
Озаровская. „Мой репертуаръ (сборн. монологовъ для сцены)“ 3 » 50 »
О. Л. Д'Орь. „Рыбы пляски“ 3 » — »
О. Л. Д'Орь. „О сѣренкихъ людяхъ“ 3 » — »

Роскошныя изданія для подарковъ:

Экспедиція въ западн. Европу—Арк. Аверченко—иллюстриров. альбомъ больш. форматъ, въ переплетѣ 8 » — »

Всеобщая исторія, въ переплетѣ, иллюстр. (больш. форматъ) 6 р. — к.
Галерея градоначальниковъ города Глухова. 6 » — »
Комплекты журн. „Сатириконъ“ за 1909, 1910 и 1911 г.г. (библиографическая рѣдкость). Въ перепл. 25 » — »
Безъ перепл. 20 » — »
На веленовой бум. въ перепл. 40 » — »

* * *

Юрій Бѣляевъ. „Красный кабачекъ“ 2 » — »
О. Л. Д'Орь. „Русская Исторія“ иллюстр. 2 » 50 »
Юмористическіе рассказы Л. Андреева и А. Куприна, 2 тома 3 » — »
Сокровища искусства—большой альбомъ пародій на знаменит. произв. иск. 5 » — »
Монографія объ иностр. карриатурѣ—А. Радакова 3 » — »

Высылка книгъ производится по полученіи стоимости заказа.

Книжнымъ магазинамъ—скидка обычная.

1940 г.
Д. арт. № 610/30

СПРАВЕДЛИВОЕ РАЗРѢЩЕНИЕ УКРАИНСКАГО ВОПРОСА.

Рис. К. Груса.

Жинка:—Вотъ ужъ теперь и не знаю—за кого изъ начальства Бога. молить: за нѣмцевъ, старую Раду или Скоропадскаго?..

Чоловикъ:—От-то жъ, дурня! Да моли Бога за всѣхъ трехъ—чтобъ поскорѣ сгинули!..

сх. 1940